

4, пункт 1, женщин (1995), статьи 181-194, <<http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/text/0360795R.pdf>>. <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml>.

4. Конституция Республики Узбекистан // www.lex.uz (Constitution of the Republic of Uzbekistan // www.lex.uz)

5. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, 07.02.2019 й., 03/19/518/2589-сон // www.lex.uz (National database of legislation of the Republic of Uzbekistan, 07.02.2019 й., 03/19/518/2589-сон // www.lex.uz).

6. Пекинская декларация четвертой Всемирной конференции ООН по положению

7. Семейный кодекс Республики Узбекистан // www.lex.uz (the Family Code of the Republic of Uzbekistan)

8. Собрание законодательства Республики Узбекистан, 9 сентября 2019 г., №36

9. Трудовой кодекс Республики Узбекистан // www.lex.uz (Labor Code of the Republic of Uzbekistan // www.lex.uz).

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // www.lex.uz (Criminal Code of the Republic of Uzbekistan // www.lex.uz).

УДК 81.

ГРНТИ 16.21.07

Мамедова С.Я.

Преподаватель

Азербайджанский государственный педагогический университет

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ)

Mamedova S.Ya.

Lecturer

Azerbaijan State Pedagogical University

INTERNAL SPEECH AS A SPECIAL FORM OF LANGUAGE COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF ARTWORKS OF ENGLISH AUTHORS)

Резюме. Настоящая статья посвящена интересной и актуальной в современном языкознании теме. В начале статьи даётся ясное и чёткое терминологическое обоснование внутренней речи как специфическом лингвистическом явлении. В дальнейшем, точнее, на протяжении всего хода работы, периодически (при необходимости) она сопоставляется или противопоставляется автором внешней речи. Из материалов статьи следовало, что оба понятия имеют целый ряд специфических признаков. Но, по понятной причине, приоритет отдаётся нормативам и законам функционирования внутренней речи.

В статье выделены её наиболее характерные особенности: предметность, субъективность, объективированность, единство понятий, целостность, структурность, константность, активность, категориальность, осмысленность и т.д. Однако главный упор был сделан на обобщенности, ситуативности и фрагментарности. Причём обосновывается, что непосредственно в контексте эти признаки не противоречат друг другу, но, напротив, дополняют.

Перечисленные признаки ярко характеризуют внутреннюю речь как языковой феномен. Структура внутренней речи – начиная с отдельных фраз, предложений или ССЦ, порою напоминает связку темы и ремы, когда изначальный смысл высказывания принадлежит теме, а её дальнейшее раскрытие – соответственно реме.

Summary. This article is devoted to an interesting and relevant topic in modern linguistics. At the beginning of the article, a clear and precise terminological substantiation of internal speech as a specific linguistic phenomenon is given. In the future, more precisely, throughout the course of the work, periodically (if necessary) it is compared or contrasted by the author of external speech. From the materials of the article it followed that both concepts have a number of specific features. But, for obvious reasons, priority is given to the norms and laws of the functioning of internal speech.

The article highlights its most characteristic features: objectivity, subjectivity, objectivity, unity of concepts, integrity, structure, constancy, activity, categoricity, meaningfulness, etc. However, the main emphasis was placed on generalization, situationality and fragmentation. Moreover, it is substantiated that directly in the context these signs do not contradict each other, but, on the contrary, complement them.

The listed signs vividly characterize inner speech as a linguistic phenomenon. The structure of internal speech - starting with individual phrases, sentences, or SSC, sometimes resembles a bunch of topics and rhemes, when the original meaning of the statement belongs to the topic, and its further disclosure is corresponding to the reme.

Ключевые слова: внутренняя речь, коммуникация, эмотивное пространство, языковые установки, предметность, структурность, константность, категориальность, обобщенность, ситуативность.

Keywords: internal speech, communication, emotive space, language attitudes, objectivity, structure, constancy, categoricity, generalization, situationality.

Постановка проблемы. Современные учёные – лингвисты и литераторы единодушны в вопросе о том, что внутренняя речь и в наши дни, то есть в начале третьего десятилетия XXI века, была и остаётся важнейшим и мало изученным механизмом мыслительной работы человека. По классической терминологии, к этому виду речи относят беззвучные процессы. Лингвисты и психологи также солидарны в том, что внутренняя речь любого языка – это такой универсальный механизм, который позволяет логически перерабатывать чувственные данные, параллельно включая их в определенную систему суждений и понятий.

Анализ последних публикаций. Внутренняя речь, понятно, опирается на соответствующие языковые установки, некоторый комплекс инструкций как вербальная интерпретация восприятий и ощущений. Одновременно с тем этот комплекс может также существовать (выделяться, вычленяться) и в составе текста, становясь тем самым предметом специального исследования и филологов, литературоведов. Следовательно, мы имеем возможность говорить уже о синтезе трёх научных дисциплин – лингвистики, психологии и литературы. Этому вопросу посвящён целый ряд трудов таких авторитетных учёных, как Л. Выготский, П. Блонский, Б. Ананьев и другие.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Сфера внутренней речи настолько широка и многообразна, что включает в себя не только собственно лингвистические, но и психологические факторы. По этой причине некоторые исследователи распространяют это феноменальное явление на область психолингвистики.

Цель статьи. Показать, что внутренняя речь – это специфическая форма языковой коммуникации, подтверждая настоящее положение примерами из англоязычной литературы.

Изложение основного материала. Итак, прежде всего подчеркнём, что внутренняя речь беззвучна и фрагментарна. Но, несмотря на это, она имеет свои специфические особенности. В чём они заключаются? В первую очередь в том, что эта речь вторична, точнее, производна от речи внешней. Но как особая форма коммуникации, она сложна и неординарна по своей внутренней структуре, так как тесно связана со взаимоотношением речи и мышления.

Этот усложнённый характер подчёркивал академик Л. Выготский. Он писал: «Абсолютно очевидно и ясно, что внутренняя речь изначально имеет психологическую природу. В этом и состоит главная трудность распознавания отношения слов к мысли» [3, с.111]. Другой известный психолог Б. Ананьев указывал на множество дискуссионных вопросов, непосредственно связанных с коммуникативной направленностью внутренней

речи. Учёный полагал, что «исследования в этом аспекте приводят не только к естественному признанию самого факта беззвучности данного вида речи, но также и её сокращённости, вторичности, а значит, производности от внешней речи, равно как и некоторой процессуальности и фазности при переходе речи внутренней соответственно во внешнюю» [1, с.56].

Отмечая коммуникативную доминанту внутренней речи, непременно следует указать на общую ориентацию внутренней речи. Подмечено, что в ряде языков, в том числе русском и английском славянской и романо-германской групп, внутренняя речь словно потенциально формирует фактор говорения, что в свою очередь, ведёт к развитию «внутренних монологов», то есть той форме, которая представляет собой завершающую фазу перехода внутренней речи во внешнюю. Нам это важно установить, так как в главную задачу статьи входит анализ этих монологов на примере произведений английских писателей. На наш взгляд, показательные образцы таких монологов есть в целом ряде художественных произведений талантливых английских прозаиков, на что ниже будет обращено основное внимание.

Однако прежде чем приводить примеры, считаем целесообразным вкратце осветить вопрос о границах функционирования внутренней речи, с одной стороны, и нормах её перехода во внешнюю – с другой. В частности, выясняется, что этот процесс с сугубо теоретической точки зрения сопровождается психолингвистической трансформацией переносимых в текст понятий, в которых, как это ни покажется странным и даже парадоксальным, «беззвучность» отчасти отходит на второй план. На первый же выдвигаются именно текстовые психолингвистические фундаментальные характеристики. Это: предметность, субъективность, объективированность (или объектность), единство понятий, целостность, структурность, константность, активность, категоричность, осмысленность и некоторые другие. Каждый из этих признаков имеет строго обоснованное терминологическое определение. Это вполне закономерно, так как у них отмечен отдельный и при этом самостоятельный спектр действия, собственный механизм работы, они в современной лингвистике подчинены определённому алгоритму, наконец, обладают пространственно-временной сферой своего распространения.

Однако среди перечисленного для интересующего нас процесса перехода внутренней речи во внешнюю, одними из самых главных признаков являются также обобщённость и ситуативность. Последнее находит своё наиболее яркое выражение в подчинённости языковому окружению. Но в какой бы ситуации внутренняя

речь не проявлялась, она практически всегда функционально спаяна с речью внешней.

Языковед А. Соколов верно подметил: когда внутренняя речь используется в общелитературном контексте, то её собственно лингвистические признаки тем более приобретают отчётливые черты. А именно, «каждая написанная фраза, - по мнению учёного, - наделена особым, то есть специфическим смыслом» [7, с.5]. Иногда структура предложения диктует особые условия проникновения одного высказывания в другое. В таких случаях нередко внутренняя речь становится переходной ступенью от одного смысла к другому. Первая часть предложения (фразы, высказывания, фрагмента текста и т.п.) является своеобразным инструментом, с помощью которого устанавливается смысл как изначального, так и последующего высказываний. Первая часть речи – это тема, которая, как известно, содержит в себе начальную информацию, являясь исходным пунктом высказывания, а последующая – это рема, являющаяся носителем новой информации. Характерно, что это правило действует, несмотря на тот неоспоримый факт, что между внутренней речью и непосредственным общением людей (в нашем случае – литературных героев) нет тесной связи. Единство изложения мыслей и константность, указанные выше, контрастируют с фрагментарностью, изолированностью отдельных отрезков речи. Между тем, как правильно отмечал Б. Ананьев, «внутренняя речь, главным образом, предназначена для подготовительных функций, благодаря чему и выполняется важная коммуникативная функция «речевой установки» [1, с.59].

Продолжим мысль учёного. Такие речевые установки на общение (или сообщение), с одной стороны, помогают процессу отбора отдельных лексем или фраз. С другой стороны, ввиду своей активности, подвижности, гибкости, динамичности и отзывчивости на те или иные чувства, продуцируют особую «атмосферу благожелательности» в тексте. Недаром академик М. Бахтин называл внутреннюю речь в литературном произведении аналогом особенной «житейской идеологии».

Действительно, эта образно трактуемая Бахтиным «житейская идеология» является специфической (если не сказать уникальной) формой языковой коммуникации. Мы имеем в виду наличие некоторого количества речевых опорных пунктов. Теория гласит, что это «ключевые слова» или же термины, которые можно наблюдать, вычленять и анализировать в процессе чтения текстовых отрезков речи или их слушания. В свете избранной нами темы статьи немаловажным представляется указать на тот факт, что смысловые опорные пункты особенно ясно просматриваются (прочитываются) при переводе с английского текста на русский. Оказывается, ряд смысловых опорных пунктов есть по сути дела основные лексико-семантические элементы внутренней речи

английского языка, получающие при переводе на русский адекватное либо приблизительное значение. Но так как вопросы перевода не входят в задачу настоящей статьи, то мы ограничиваемся фактом признания определённой роли внутренней речи как своеобразного сигнализатора отдельных смысловых речевых пунктов (установок).

Что же они собою представляют? Попробуем подойти к выяснению этого вопроса, отталкиваясь от замыслов английских писателей, в специальных целях использующих внутреннюю речь в своих произведениях. В качестве доказательств теоретических положений о речевых пунктах (установках) мы решили избрать примеры из творчества У. Фолкнера (роман «Шум и ярость»), Ч. Диккенса (роман «Домби и сын») и Пенелопы Винченци «Греховные радости».

Анализ отдельных отрывков из этих произведений, в частности, показал, что внутренняя речь в произведениях английских писателей – это вовсе не эквивалент естественного течения внутренней речи. Данный вид речи, по указанию Н.И. Жинкина, «осуществляется посредством невербального субъективного кода, протекающего чаще всего в скрытых формах и потому являющихся, как правило, тяжело доступными для наблюдений с последующей регистрацией» [5, с.95]. Внутренняя речь в произведениях, в отличие от её лингвистической трактовки, подвергается обработке со стороны автора. Значит, она уже не может быть беззвучной, а озвученная, в свою очередь, условна. Но это не означает, что риторически и нормативно преобразованный материал, строго оформленный по законам морфологии, лексики и синтаксиса английского языка, не снабжён гаммой разных интонаций. Оттенки внутренней речи при всей их условности тем не менее эстетически значимы своей ритмикой, что и позволяет критикам и читателям, фиксируя эти ритмические рисунки, делать её понятной, доступной для восприятия.

Так, можно подметить стилистические приёмы, которые именно благодаря использованию внутренней речи содействуют более глубокому проникновению в психологический мир героев. Рельефными предстают перед читателями их внутренние мысли, чувства, переживания.

Например, в романе У.Фолкнера «Шум и ярость» привлекает внутренняя речь одного из центральных действующих лиц – Бенджи. С одной стороны, можно наблюдать последовательное в хронологическом аспекте описание событий. С другой стороны, эта проговариваемая втуне речь интересна символическим осмыслением событий и фактов. Любопытно: для героев самой символики как таковой не существует, она предназначена для осмысления со стороны другими персонажами или же читателями.

«They were coming toward where the Hag was and I went along the fence. Luster was hunting in the grass by the lower tree. They took the lag out, and they were hitting. Then they put the Hag back and they went

to the able, and he hit and the other hit. Then they went on, and I went along the fence. Luster came away from the lower tree and we went along the fence and hey stopped and we stopped and I looked through the fence while Luster was hunting in the grass [9, с.8].

Перед нами внутренняя речь героя, в которой описание самих событий соответствует восприятию и героя, и читателя. В данном случае они совпадают по двум основным причинам: во-первых, внутренняя речь Бенджи является фиксацией происходящих в его сознании событий. Во-вторых, семантика проговариваемой речи адекватна восприятию изложенных фактов со стороны героя, на которого эта речь направлена.

Однако такое явление в английской прозе встречается далеко не всегда, и расхождения в оценках внутренней речи – факт вполне обычный, часто встречающийся. Так, у Диккенса («Домби и сын») есть в этом отношении примечательный приём. Глава семейства – мистер Домби все свои надежды возлагал на сына Поля. Однако ребёнок рос болезненным, поэтому и постоянно прислушивался как к посторонним шумам в доме, так и к своему организму. Вокруг него было немало лекарей, пытавшихся поправить его здоровье. И у каждого был свой взгляд, собственный рецепт.

В одной из сцен Поль размышляет про себя о собственном здоровье (вернее, нездоровье), но его восприятие событий, как субъекта, желающего выздороветь, отца – мистера Домби, радеющего о сыне, и лекарей, не умеющих лечить болезнь Поля, кардинально расходятся. В соответствии с такой «тройной» оценкой с разных сторон и внутренняя речь ребёнка отражает только его видение проблемы, не совпадающее с восприятием событий со стороны отца и врача.

Lying down again with his eyes shut, he heard the Apothecary say, out of the room and quite a long way off — or he dreamed it — that there was a want of vital power (what was that, Paul wondered!) and great constitutional weakness. That as the little fellow had set his heart on parting with his school-mates on the seventeenth, it would be better to indulge the fancy if he grew no worse. That he was glad to hear from Mrs. Pipchin, that the little fellow would go to his friends in London on the eighteenth. That he would write to Mr. Dombey, when he should have gained a better knowledge of the case, and before that day. That there was no immediate cause for — what? Paul lost that word And that the little fellow had a fine mind, but was an old-fashioned boy. What old fashion could that be, Paul wondered with a palpitating heart, that was so visibly expressed in him; so plainly seen by so many people! [8, Т. I, с. 222-223]. Нетрудно видеть, что Поль размышляет о самом себе со слов, услышанных им от лекаря из комнаты. Но это лишь неясные и призрачные звуки и внутренняя речь усиливает кошмар. Ребёнок в такой степени напуган и не уверен в своих мыслях, что в своём внутреннем проговаривании событий задумывается: а не приснилось ли это всё ему?

Иногда такого рода сомнения, напротив, рождены чувством высокомерия, когда одно лицо считает себя намного выше других. Функции внутренней речи приобретают тогда особый психологический оттенок; они как бы теряют скрытый смысл, о котором мы уже писали, и становятся мерой собственной самооценки, естественно, завышенной. К примеру, мистер Домби, потеряв сына Поля, безусловно, близко к сердцу принял эту трагедию. Вместе с тем, считая себя человеком всемогущим и абсолютно правым во всём, непогрешимым в принципе, он остаётся горд в своём беспредельном одиночестве. Внутренняя речь помогает читателям почувствовать колоссальное высокомерие этой личности.

He is not 'brought down,' these observers think, by sorrow and distress of mind. His walk is as erect, his bearing is as stiff as ever it has been. He hides his face behind no handkerchief, and looks before him. But that his face is something sunk and rigid, and is pale, it bears the same expression as of old [8, Т. I, с. 257-258].

Интересные модификации, с нашей точки зрения, возникают в тех случаях, когда внутренняя речь неадекватно отображает речь героя другого пола? Другими словами, внутренняя речь мужчины (или женщины) диаметрально противопоставлена интересам женщины (мужчины). То есть внутренняя речь обнажает противоречие между запросами мужа и жены. Здесь мы также касаемся крайне малоисследованного в азербайджанской филологической науке вопроса о гендерной роли героев. В романе Диккенса на базе внутренней речи мужчины или женщины выстраивается определённая схема-модель, основу которой формируют их различные интересы, запросы, стремления.

Так, мистер Домби, пользуясь неограниченной властью капитала, унижает свою супругу Эдит. Но при всей своей жестокости и чувстве защищённости хозяин смертельно боится развода. Основания для него более чем веские: он теряет авторитет в светском английском обществе, и его падение означает крах всей карьеры. Внутренняя речь главного героя ясно показывает расхождение интересов двух сторон – Домби и Эдит. Женщина настаивает на разводе, получая при этом физическую свободу; Мистер Домби страшится этого разговора, рискуя потерять моральный авторитет.

Приведём характерный пример.

People to say that Mr Dombey — Mr Dombey! — was separated from his wife! Common people to talk of Mr Dombey and his domestic affairs! Do you seriously think, Mrs Dombey, that I would permit my name to be banded about in such connexion? Pooh, pooh, Madam! Fie for shame! You're absurd.' Mr Dombey absolutely laughed [8, Т. II, с. 215].

Особенностью этой внутренней речи является прежде всего обращённость к самому себе. Внутренний монолог успокаивает его, помогает уйти от позора. Одновременно с тем внимательный

читатель в этой речи почувствует и страх Домби за свою судьбу. Вот почему в конце этого отрезка речи герой «от души рассмеялся». Однако это нервный смех, граничащий с потерей самообладания. Апофеозом этой сцены с архетипом «животного страха» является короткий, но многозначительный внутренний монолог Домби: *Where to go? Still somewhere, anywhere! still going on; but where!* [8, Т. II, с. 239].

Многих современных языковедов феномен внутренней речи привлекает своим содержательным уровнем, что позволяет установить некоторые особенности лексики разных тематических классов, групп (любовь, семья, дети – чаще всего во внутренней речи представительниц женского пола; служба, государство, исполнение профессионального долга, религия, – в прямой речи мужчин).

Наше внимание привлёк современный роман-бестселлер Пенни Винченци «Греховные радости». Огромное по объёму произведение, получившие немалое количество наград и престижных премий, буквально изобилует внутренними монологами. Здесь нередко в размышлениях героев присутствует несобственно-прямая речь. Её лингвистический статус при этом может быть обусловлен различными художественными оттенками. Всё зависит от маркировки того героя, от имени которого, по замыслу автора, произносится для себя самого внутренняя речь.

Например, в центре наблюдения внешность какого-либо персонажа. Одна из героинь романа – Энджи – после встречи мысленно перебирает в уме внешние черты человека и манеру его поведения в высшем обществе: «Он мне совсем не показался грязным старикашкой. По-моему, довольно-таки милый человек. И вовсе не такой старый, как рекомендовали ранее мне его друзья и подруги. Во всяком случае, совсем не сальный. Какие у него были красивые, тёмные и большие глаза, потрясающие по длине ресницы. И это у мужчины! К тому же в обращении с дамами он очень даже вежлив, уважительно, как мне представлялось, и ко мне относился. А волосы у него не сальные нисколечки, хорошая, благожелательная улыбка, приятные манеры, изо рта не пахнет. И вообще с ним мне очень было интересно весь вечер» [2, с. 87].

Стоит, на наш взгляд, обратить внимание на своеобразный словесный поток внутренней речи. По большей части, как видим, он относится к внешности анонимного человека. Вместе с тем от фразы к фразе наблюдаются перескоки от описания внешнего вида – к манерам поведения. И тут же – резким переходом – следуют воспоминания-размышления Энджи вновь о внешности. Таким образом, по своей геометрической структуре этот текстовой отрезок внутренней речи напоминает нам синусоидальную кривую.

Очень часто внутренняя речь служит талантливым писателям в деле расширения эмотивного пространства текста. В названном

романе П. Винченци с этим сталкиваешься многократно. Это свидетельствует о функциональной содержательности внутренней речи, возможности изображения человека в многообразии его личностных и общественных связей. Более того, проблемы, разрабатываемые с помощью данного приёма, говорят о высокой степени коммуникабельности героев. Чувства, которые выражены в этом сочинении, выходят далеко за пределы обыденных человеческих запросов.

В этом плане представляют определённый интерес те отрезки романного текста, в которых внутренняя речь помогает воссоздать атмосферу самокритики. Этот вид речи в отдельных случаях призван даже уточнять, что самоанализ предшествует осознанию истины, следовательно, перед читателями запоздалое раскаяние героев.

Приведём один из типичных образцов. Главная героиня – леди Вирджиния – мысленно выносит самой себе суровый приговор: «Вот, значит, что обо мне думают в светском обществе, да? Ей, мол, чуть более двадцати лет, а уже привлекательна, богата, её теоретически хотели бы заполучить многие. В то же время она – это предмет всеобщего осмеяния, олицетворение типично «старой девы», которая якобы прославилась в обществе своей моральной чистотой, безупречностью. Кошмар! Она уже не сможет встретиться взглядами с другими честными и порядочными людьми из привычного светского окружения. За её спиной будут многие переглядываться, перешёптываться, улыбаться. Вот, оказывается, бедняжка идёт...» [2, с.45].

Обратим внимание на несколько нюансов, порождаемых внутренней речью. Во-первых, повествование ведётся от третьего лица, хотя раздумья героини принадлежат ей самой, то есть в обычной речи всё должно было бы по логике исходить именно от первого лица. Но это специфическая особенность внутренней речи как особой формы языковой коммуникации. Во-вторых, внутренний монолог предельно концентрирует чувства героини. Они как бы подчёркивают её до предела обнажённые нервы. В-третьих, по факту прекращения внутреннего монолога и перехода в обычный ритм повествования выясняется, что это был элементарный самоговор. В-четвёртых, цитированное зримо напоминает нам широко известный в лингвистике и литературоведении монолог Анны Карениной непосредственно перед самоубийством. Значит, внутренняя речь в романе П. Винченци со своим синтаксически и логически упорядоченным строем слов имеет особое коммуникативное предназначение. Оно в корне отлично от обычного потока слов.

Наконец, в заключение нашей статьи хотелось бы заметить, что сам поток слов в теории языкознания также подчинён необычному алгоритму. А именно, он при определённых условиях может превращаться в так называемый

«поток сознания», модифицированную и усложнённую форму обычного потока слов. И тогда с полным основанием можно говорить об изображении психических процессов как на уровне сознания, так и подсознания героев. Лингвистами подмечено, что в повествовании от автора этот сплошной поток слов чаще изображается косвенным путём, то есть приведён с точки зрения «всеведущего» творца. Автор как бы наблюдает свой персонаж со стороны, фиксируя ряд психических процессов на двух вышеуказанных нами уровнях. Но возникает ещё и «поток сознания» от имени самих героев. Тогда их поступки изображаются в их непосредственно прямом течении, словно изнутри. Читатель становится свидетелем мельчайших психологических изменений в поведении героев. Чаще всего это происходит, когда они попадают в экстремальные ситуации.

В такой сложной, непредвиденной ситуации неожиданно оказался Макс (по прозвищу «Мальш»), сын богатого лорда Александра и леди Вирджинии. Оказавшись виноватым перед родителями и родной сестрой, он в состоянии наивысшего нервного напряжения размышляет про себя: «Вирджи, ну, я, я... (усилием огромной воли заставляя себя вдруг остановиться) и далее мысленно... Я же обещал самому себе, ничего никому не стану рассказывать. Это как бы договор от себя самого. Да, именно. Раз ничего никто не знает, то и не будет никаких вообще разговоров. А вдруг да сестра разболтает? Но нет, кому она сможет выболтать все мои тайны? Но ведь может! Да нет, ничего, надо просто успокоиться, - проговорил он сам себе под нос. Ничего в общем-то существенного от признания моего не случится!» [2, с.148].

Выводы и предложения. Очевидно, что следует поток почти бессвязных слов, к тому же часто соединённых вводными конструкциями,

союзами, междометиями, модальными словами и т.д. Но и в этом состоит специфическая особенность внутренней речи как особой формы языковой коммуникации.

Вторая часть статьи носит уже не столько теоретический, сколько прикладной характер. То есть вся теория внутренней речи проверяется на материале произведений английских писателей. В качестве доказательств приведены отрывки из романов У. Фолкнера, Ч. Диккенса и П. Винченци. Все примеры подтверждают ту или иную ранее отмеченную особенность внутренней речи. Подчёркивается, что она всегда используется в специальных целях. Например, расширяет эмотивное пространство текста, указывает на противоречия в характере героев, характеризует манеру их поведения и т.п.

Использованная литература:

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968, 339 с.
2. Винченци Пенелопа. Греховные радости. Роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2013, 958 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь // Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М.: изд-во АПН РСФСР, 1956, с. 39–386.
4. Диккенс Ч. Домби и сын. Роман. В двух томах. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. – 381 с.; Т. 2, - 367 с.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982, 159 с.
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997, 287 с.
7. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. Автореф: д-ра пед. наук. М., 1967, 47 с.
8. Dickens Charles. Dombey and Son. Roman // royallib.ru.rtf
9. Faulkner William. The Sound and The Fury (Vintage Classics), 1995, 526 p.

УДК 821.161.2

ГРНТИ 17.82

Marchuk S. M.

postgraduate,

The National University of Ostroh Academy

THE LYRICAL TRAVELOGUE: THE VISIONS OF EUROPE IN MODERN UKRAINIAN POETRY

Марчук С. М.

аспірантка,

Національний університет «Острозька академія»

ЛІРИЧНИЙ ТРАВЕЛОГ: ВІЗІЇ ЄВРОПИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ПОЕЗІЇ

Summary. The poetic form of travelogue has been known in the literature for a long time. However, only within the last decades, this literary segment has become the object of literary studies. In poetry, travel impressions are ordinarily fixed with the specific details; an important place in the texts belongs to the emotional component and the search for *genius loci*. Travel to Europe became available in Ukraine only in the post-Soviet era. For this reason, the modern lyrical travelogues of Ukrainian poets are the model of geopoetic expansion. Among the authors who actively use this genre, we should mention Oksana Zabuzhko, Yurii Andrukhovych, Halyna Petrosaniak, Ihor Pavliuk, Pavlo Matiusha, and others.